

До 120-річчя Романа Якобсона (1896–1982)

УДК 82.09(437)(092)Якобсон

БРНЕНСКАЯ СУДЬБА РОМАНА ЯКОБСОНА В ПРИЗМЕ VOTA SEPARATA

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, професор

Завідувач Інституту славістики

Філософський факультет, Університет імені Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Анотація. На матеріалі Архіву Університету ім. Масарика висвітлюється значущий і вельми плідний з наукової точки зору фрагмент біографії Романа Якобсона, пов'язаний з Брненським університетом і написанням трактату „Мудрість древніх чехів”. Аналізуються три збережених брненських негативних відгуків про праці Р. Якобсона, що належали професорам Франтішеку Худобі, Антоніну Беєру і Франтішеку Новотному, які свідчать про вплив політичного тла на особистісні відносини в науковому світі, починаючи з 30-х років минулого століття. За згаданими відгуками відбулося обговорення ситуації у професорській раді. „Справа Якобсона” оголює всю складність і суперечливість загальної форми Центральної Європи, ядром якої була міжвоєнна Чехословаччина: вона демонструє формування філологічних методологій і їх зворотного боку.

Ключові слова: Роман Якобсон, Університет ім. Масарика, м. Брно, vota separata, еміграція, діаспора, формальний метод, Празький лінгвістичний гурток.

В качестве иллюстрации русского внедрения в центр Европы и его сложных перипетий я сознательно выбрал личность Романа Якобсона (1896–1982) и его брненскую судьбу потому, что именно он как бы воплотил это проникновение первоначально чуждого элемента в центральноевропейскую литейную форму, казавшуюся слишком по-австро-венгерски закоснелой, негибкой, доведя ее до состояния понимания, прочувствования и созвучия. Так что слова Якобсона, произнесенные им в 1968 и 1969 гг., о том, что он чувствует себя чехом, вытекают из логики вещей и событий: от

виллы Терезы, Пражского лингвистического кружка, самоубийства Маяковского, боя с брненской доцентурой и профессурой, бегства в Данию, Норвегию, Швецию и США – до мирового признания и славы (здесь мы пользуемся материалом нашей уже опубликованной статьи [2] и других статей на чешском и немецком языках).

Впрочем, внедрение русских формалистов и их структуралистский период не касаются одного только Якобсона: для Словакии, например, намного важнее фигура Петра Богатырева, для Брно значим традиционалистский медиевист Сергей Вилинский, так же как для Вены и Брно – Николай Дурново (см.: [8], нем. вариант [7]). Короче говоря, мы стоим перед проблемой русского межвоенного „нашествия” (в хорошем смысле этого слова) на Центральную Европу, ядром которой была межвоенная Чехословакия с тремя университетами в Праге, Брно и Братиславе, где между ними кипело персональное и идейное сотрудничество (Франк Воллман и его перемещения между Братиславой, Брно и Прагой, то же – Ян Мукаржовский, Альберт Пражак и т. п.). Это мирное и плодотворное нашествие, хотя и оно не протекало – как мы увидим – без насилия, является свидетельством не только того, что Россия имеет отношение к Европе, но еще и того, что Центральная Европа – это пространство, которое хотя и имеет свое территориальное и геополитическое ядро, но с точки зрения культуры является силовым полем, втягивающим в себя Запад и Восток; итак, вопрос не стоит таким образом, что Центральная Европа – это некий славный и бесславный пешеходный мост: вопрос и в том, что она была эпицентром истории и почему сегодня им не является или почему опять не могла бы им стать. Впрочем, это предполагает больше независимости, самобытности, выносливости и способности к гибкой стойкости, так как это культурное пространство дразнит как Восток, так и Запад.

Конфликтный и неприятный эпизод из жизни Романа Якобсона представляют три известных и изучавшихся брненских *vota separata*. Здесь я отталкиваюсь от компетентного исследования проф. Дануше Кшицовой и ее дипломантов, а также Милоша Зеленки, который в 90-х гг. неоднократно описывал и анализировал данный эпизод. Мой взгляд, в сущности исходящий из тех же материалов, является в какой-то степени иным, не будучи в отношении предшествующих точек зрения полемическим: речь идет лишь о смещении акцентов и даже скорее об иной „установке”

исследования – в большей степени реферативно, чем рефлексивно, скорее с позиций Якобсона, его жизненного пути и методологии его и Пражского лингвистического кружка, и в меньшей степени – с точки зрения воспринимающей среды.

Жизненный путь Романа Якобсона на территории межвоенной Чехословакии не был легким, хотя сегодня он сознательно идеализируется. Он проходил буквально между жерновами событий, таких как: неудача в попытке добиться пражской профессуры; переговоры по поводу поста профессора по договору в Брно; звание доцента и его подводные камни; исключительная профессура; попытка стать представителем штатной профессуры; снятие с должности заведующего Семинаром славянской филологии и *de facto* бессрочная пенсия по причине существовавшего тогда расового законодательства Третьего Рейха; после окончания второй мировой войны – расторжение трудовых отношений с юридически законным, но по сути политическим подтекстом; наконец, после долгих лет – почетная докторантура в брненском Университете Яна Евангелиста Пуркине.

Курьез заключается в том, что кое-где одни и те же люди действовали прямо противоположно: например, Франтишек Травничек присвоил Якобсону звание доцента и контрассигнировал положительный отзыв о защите, а потом в качестве ректора подписался под отставкой Якобсона – правда, тогда в самом деле не было иного выхода. С удивительными перипетиями в 40–90-х гг. столкнулись и другие действующие лица, которые так или иначе стали частью брненской судьбы Якобсона. И необходимо осознавать, что здесь, начиная с 30-х годов, существовал сильный политический фон, который в Центральной Европе всегда и порой полностью определяет жизнь людей. Я бы сказал, что чешская судьба Якобсона, с годами изъятая из бури гнева, видится, скажем так, идиллически, и кажется, что так ее понимал и сам Якобсон, т. е. с американской высоты и расстояния. Тем не менее, реальные события, в которых отражается атмосфера времени или времен, демонстрируют как специфику центральноевропейского пространства в роли идеологического и методологического перекрестка, так и специфику вхождения других элементов и острую реакцию. По этой причине история Якобсона трансцендирует в более общие масштабы, которые могут быть важны для познания этого культурного пространства уже потому, что они могут повторяться или варьироваться. Более существенно то, как была попытка

защиты Якобсона в Брно принята университетским сообществом и в чем заключается фактическое ядро упомянутых отдельных мнений.

Прежде всего перед нами – если взглянуть хронологически – предложение об учреждении профессуры по русской филологии и о назначении доктора философии Романа Якобсона профессором русской филологии по договору: машинопись, которая нам предоставлена Архивом Университета им. Масарика, переполнена опечатками и прочими ошибками. Вообще здесь обосновывается, почему такая профессура на договорной основе необходима; причины вызывают улыбку, т. к. их стратегия напоминает сегодняшнюю: они не только научные, но, главное, непосредственно практические. Здесь перед нами в зародыше первоначала русистской сепарации; она не была вызвана одними лишь послевоенными политическими мотивами – она подготавливалась в лоне славистики задолго до этого. Специальность русской филологии, а вовсе не русский язык, обоснована своими широкими рамками, т. е. изучением языка – но также и культуры, этнографии и т. п. Следующий аргумент заключается в том, что нас не должны обогнать другие неславянские народы; и, наконец, в данной „кадровой” ситуации неизбежно, чтобы кандидатом договорной профессуры был иностранец, русский. Далее следует *curriculum vitae* Якобсона и оценка его научной работы. На проекте поставили свои подписи профессора Гавранек, Травничек и Соучек.

Ядро проекта как две капли воды похоже на отзыв на доцентскую диссертацию и прочую существующую научную деятельность доктора Романа Якобсона, которого на этот раз поддержали профессора Гавранек, Травничек и Воллман. Отзыв о поданной диссертации, однако, насчитывает на неполных полторы страницы больше, чем шестистраничный отзыв. Первая часть включает в себя краткое резюме с описанием чешского анабазиса Якобсона, в том числе вынесения его кандидатуры на пост профессора по договору; далее выделена его первая работа, т. е. рецензия на карты русских диалектов, труд о поэтике и метрике, из которых вытекает – как это показано Зелинским, Виноградовым и Томашевским – что эти работы Якобсона являются основными трудами русской формальной школы; затем среди них названы работы по чешской литературе, а конкретно – „*Základy českého verše*” (1926), где допускается негативный критический отклик, и исследование „*Vliv revoluce na ruský jazyk*” (1921) с критикой

А. Мазона. Собственно диссертация „*Remarques sur l'évolution phonologique du russe*”, которая вышла в серии „*Travaux du CLP*”, считается успешной, хотя отзыв на нее показывает, как сами авторы „боролись” с формулировками: первоначальную критическую часть они предпочли вычеркнуть, причем давили на то, что Якобсон, собственно говоря, использует результаты Трубецкого. Далее здесь перечеркнуты имена докладывающих об этой работе, и негативная критика Мазона прокомментирована так, что свои замечания он не подкрепил ни единым конкретным примером. В заключение комиссия посчитала данную работу полностью удовлетворяющей требованиям, предъявляемым к диссертации на звание доцента.

Из всей структуры отзыва становится очевидным, что тут скорее, нежели фонологический труд Якобсона, принимается во внимание целый комплекс разнообразных текстов, часто выходящих за пределы лингвистики в направлении к стиховедению и поэтике.

Из профессорского хора затем прозвучали три негативных высказывания, так называемые *vota separata*. Первое из них представил профессор английской филологии Франтишек Худоба (1878–1941), сконцентрировавшийся на разборе взглядов Якобсона из статьи „*O dnešním brusičství českém*”, который потом вышел в книге „*Spisovná čeština a jazyková kultura*” (1932). *Votum separatum* Худобы часто отбрасывается как проявление старомодности, консерватизма, национализма и ксенофобии, но все-таки обратим внимание – *sine ira et studio* – на его смысловое ядро. Худоба, в первую очередь, озадачен тем фактом, что Якобсон как „иностранец, только-только научившийся говорить по-чешски”, высказывается по поводу современного чешского языка и „обескураживает своей неуместной резкостью, а иногда и скрытой насмешкой”. Автор, которому принадлежит вотум, указывает прежде всего на волюнтаризм Якобсона: Йозефа Зубатого, некогда главного редактора журнала „*Naše řeč*”, тот называет „гениальным художником на ниве чешской филологии”, но „его очищающее творчество он подрывает и приводит к несерьезности”. Следующие страницы своего вотума Худоба посвящает тому, чтобы продемонстрировать стремление Зубатого к чистоте чешского языка. Одновременно он опровергает высказывания Якобсона о том, что так называемое „онемечивание” чешского языка является одной лишь демонстрацией, националистической политикой, для которой более подходящим определением был бы расизм. Худоба отвергает такое обозначение, а с ним и то, что с призраком германизации покончено. Вслед за тем

Худоба указывает на неточности и взаимоотрицающие утверждения в критике Якобсона в отношении редактора журнала „Naše řeč“, Йиржи Галлера. Если обобщить суть *votum separatum* Худобы, то мы приходим к выводу, что автор с моральной и профессиональной точки зрения лишает Якобсона права компетентно высказываться по поводу чешской языковой политики, что он сомневается в бесспорности его научного метода (в сущности, он упрекает его в волюнтаризме, манипулировании цитатами, в аргументационной непоследовательности), и ловко приплетает сюда профессоров, бывших членами научного совета, и ставит их *via facti* в позицию против Якобсона (Травничек, Гавранек как чешский корректор работ Якобсона) или же неявно сомневается в их беспристрастности – хотя и не говорит об этом прямо. Вотум завершается, разумеется, протестом против утверждения проекта (вотум датирован 24-м января 1933 г.).

К вотуму Худобы присоединяется вотум профессора германистики Антонина Беера (1881–1950) от того же дня. Он в свою очередь отмечает модность лингвистической терминологии Якобсона, то, что некоторые труды тот знает лишь „из вторых рук“, а притом критикует их, не зная их истоков (например, у младограмматиков). На обоих авторов вотума произвело плохое впечатление и то, что Якобсон пишет в Праге по-немецки, хотя сам считает себя русским, что вышеупомянутую аспирантуру он закончил в немецком пражском университете, защитив написанную по-немецки работу о десятерце, а также и то, что он работает в редакции немецкого издания „Slavische Rundschau“. Беер доводит до логического конца негодование Худобы по поводу того, что борьбу против онемечивания чешского языка Якобсон называет расизмом (в иных случаях он говорит о фашизме в языковедении). Беер затем напоминает, что Якобсон непрямо назвал Франтишека Таборского „врагом современной культуры вообще“ („nepřítelé moderní kultury vůbec“), и обращается к якобсоновской статье в журнале „Čin“ (1930) „Romantické všeslovanství – nová slavistika“. Но он говорит не столько о содержании, сколько о тоне (Якобсон в своей статье высмеивает общеславянскую романтику, урапатриотизм, причем буквально описывает, сам того не осознавая, собственную дальнейшую судьбу; этого, конечно, не знал тогда и полемизирующий с ним Беер): „...pro hejslovanskou rhetoriku nezůstávalo místa už ani v pozdravných a banketových řečech, ledaže v pozdravu nějakého zástupce slavistiky z Kalifornie“ (таковым мог бы

быть через несколько лет и он сам. – *И. П.*). А далее Беер сурово и, думается, небезосновательно, нападает на его тогдашнюю марксистско-ленинскую идеологию и слабую восприимчивость к чешской среде.

Третий *votum separatum* подписал классический филолог Франтишек Новотный (1881–1964), обратившийся к профессорскому совету с просьбой установить гражданство доктора Романа Якобсона.

Текст профессора Ф. Новотного приводит нас к биографическим сведениям о Р. Якобсоне, например, в той форме, в какой они указываются в уже цитированном выше заключении о защите. Из этого следует, что 10 июля 1920 г. Р. Якобсон приехал в Прагу как сотрудник советской миссии Красного креста, в октябре 1921 г., в 1920/21 учебном году, с позволения соответствующих профессоров прослушивает лекции в Карловом университете (Гуйер, Травничек); в конце 1921 г. он стал референтом советской миссии, где пробыл до 1. 11. 1928, когда был освобожден от службы. 9-го апреля в пражском немецком университете он был провозглашен доктором философии на основании диссертации „*Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber*”. То, что предшествовало пребыванию в ЧСР, изложено ранее (т. е. классическая гимназия, обучение на историко-филологическом факультете Московского университета и т. д.). С учетом этих обстоятельств, моральные и технические процедуральные претензии, высказанные в каждом из трех *votum separatum*, не кажутся абсолютно необоснованными. Также известно, что развитие Романа Якобсона от упомянутой точки зрения к концепции евразийства, как показывает переписка с Трубецким, а далее к критике советского режима было в США в период маккартизма проблематичным, и Якобсон неединожды был вынужден выражать свое критическое отношение к СССР.

Брненское резюме Якобсона продолжается деловым письмом из Министерства образования и народного просвещения от 23. 05. 1939 г., которое отправляет Якобсона в бессрочный отпуск в конце марта месяца 1939 г.; одновременно с этим его отстраняют от должности руководителя Семинара славянской филологии. В конце июня 1939-го краевому ведомству в Брно было велено приостановить выплату служебного заработка и ассигновать от 1 июля 1939 г. законную компенсацию в размере последнего жалованья, „с условием Вашего постоянного пребывания на территории Протектората Чехии и Моравии”. Якобсон в то время на этой территории уже не находился.

Следующим шагом стали три документа. В первом из них, с печатью от 5.06.1950 г., речь идет о протоколе обсуждения факультетской комиссии, которая на своем очередном заседании 31.05.1950 г. предложила академическому сенату отменить исключительную профессию Якобсона (членами комиссии были профессор и один ассистент, среди них – профессора Франк Воллман и Йозеф Курц). Ректорат впоследствии обратился к Министерству образования, культуры и науки с предписанием от 29.01.1951 г. об отмене декрета. Здесь политическая подоплека заострена, хотя и очевидно, какие „гражданские обязанности” нарушил Якобсон. Финальным аккордом становится провозглашение Якобсона почетным доктором брненского Университета Я. Э. Пуркине, словно обрамленное введением советских танков в августе 1968 г. и прославленным пражским выступлением Якобсона в 1969 г. Тем не менее, текст проекта, который тогда подписали Арношт Лампрехт как заведующий кафедрой чешского языка, славянского, индоевропейского и общего языкознания, и ректор проф. Мартинец Теодор, и где в качестве аргумента приводится то, что Якобсон „присоединился к прогрессивному крылу и в борьбе за новочешскую литературную норму в тридцатые годы”, свидетельствует по меньшей мере о сложности жизненного пути Якобсона, его мнений, методологии и отношения к чешским масштабам, а также о разном идеологическом контексте и „установке” его труда.

Однако еще существеннее то, что „дело Якобсона” в брненских 30-х гг. обнажает всю сложность и противоречивость литейной формы Центральной Европы, ядром которой была межвоенная Чехословакия: оно демонстрирует формирование филологических методологий и их оборотных сторон. Формалистские, отечественные чешские формистские и немецкие корни структурализма сталкивались с иными традициями, в том числе с позитивистскими и духоведческими, временами и с религиозными и даже непосредственно католическими. По сути, они вносили в другую культурную и научную среду еще и австро-венгерское движение, научную общность (русское „кружковство”), но во многом также нетерпимость, излишнюю и поверхностную полемичность, журнализм и поспешность выводов, которые не всегда были подкреплены фактическим материалом, а иногда и манипулирование аргументами и политизацию. Кроме того, они нечутко вступили в ту среду, где еще слышались последние отзвуки

чешско-немецкой политической, культурной и языковой борьбы: в какой-то степени в случае Якобсона здесь отражается позиция представителя великого народа, языку которого ничто не угрожает; а что касается недостаточного сочувствия, то его больше проявлял Рене Веллек (1903–1995): хотя и он был критиком близорукого чешского национализма, но у него как у мультилингвального жителя Вены, по сути, выходца из чешской семьи высокого императорского чиновника, этот вопрос рождал больше чувств; тем не менее, и он прослушал курс германистики не только в чешском пражском университете, но и в немецком.

Эти факторы в дальнейшем сыграли свою роль в последующем развитии Пражского лингвистического кружка с его склонностью к доктринерству, с его осуждением и нетерпимостью к другим подходам; в ряде случаев эти споры имели не только методологическую подоплеку, но и поколенческий, личностный и остро политический характер. С одной стороны, таким образом, Якобсон привнес в чешскую филологию здоровый импульс, дискуссию, полемику, бесспорные научные ценности; с другой стороны, он проявил недостаточное вчувствование в автохтонное центральноевропейское, чешское и чехо-словацкое развитие. Хотя и можно сказать, что без определенной пробивной силы невозможно было бы вот так изменить масштабы в языкознании, стиховедении и поэтике, т. к. Якобсон перенес из революционной России революционность и коллективность и в науку, но, с другой стороны, остается открытым вопрос, не были ли этим доминированием подавлены или отброшены на задний план некоторые отечественные течения, которые, например, лучше понимал младший на одно поколение Рене Веллек: об этом свидетельствуют и его попытки прийти к методологическому компромиссу, его увлеченность неоидализмом, психологией и интеграцией феноменологии; как показывает механистичность дихотомии *intrinsic – extrinsic* в его совместной с Уорреном „Теории литературы”: ядро литературоведения является имманентным, структуралистским, а окружающая „плазма” – иной, относительной.

Все эти вышеприведенные аспекты связи Якобсона с чехословацкой средой выдвинулись на первый план в его американском, на чешском языке написанном трактате „Мудрость древних чехов”, который теперь снова научно переиздавался в Праге с обширным комментарием и перепечатанной чешской эмиграционной дискуссией на эту тему 40-х гг. XX в. [3] (см.

статью обоих редакторов и составителей, одного – историка, а другого – литературоведа, посвященную их работе над новым изданием [1]; см. нашу статью [6]). Оба редактора и составителя написали в качестве введения особое исследование, собственно говоря, маленькую яacobсоновскую монографию под названием „Военное произведение Романа Яacobсона – между структуральной лингвистикой, славистикой и политизирующей идеологией” (в чешском оригинале „Válečný spis Romana Jakobsona – mezi strukturální lingvistikou, slavistikou a politizující ideologií”), в котором наглядно демонстрируется, что якобы чисто идеологические воззрения автора были составной частью его филологических концепций, связанных и со структурализмом, что книга не выходит за рамки его научной работы как идеологический грех автора под давлением преступлений нацизма, но что она органически развивает его филологическую структуральную методологию. С этим можно выразить почти полное согласие, хотя некоторые, казалось бы, экстремные взгляды Романа Яacobсона относительно немецко-чешских отношений, будто бы националистские, находят оправдание и новейшей документально ориентированной исторической литературе о восприятии чешского пространства и чешской нации в немецкой политике XIX–XX веков, которая, таким образом, становится особой верификацией, казалось бы, устаревшей яacobсоновской книжки [4].

Остается, однако, несколько трудных вопросов:

1) Почему Яacobсон к своему произведению больше не вернулся? Это сравнительно сложно, речь идет не только о холодной войне, изменениях взглядов Яacobсона, но и об идеологической сдержанности официальных органов США – даже в 90-е годы XX века – к его личности – по разным причинам.

2) Представляет ли этот трактат лишь идеологическое изливание рассерженного ученого-еврея, продукт времени, или в нем заложены более глубокие методологические струи, имеющие сверхвременное значение? На это авторы исследования и издатели трактата отвечают в основном положительно в смысле сверхвременного методологического значения.

3) Можно ли согласиться с тем, что трактат имеет и больше значений, что он полисемичен?

Продолжая нашу тему, нельзя не заметить и пренебречь тем, что позиция восточнославянской (не только русской) литературной эмиграции в межвоенной Чехословакии становилась деликатной

после Мюнхенского стовора 1938 г. и, в особенности, после ликвидации Чехословакии и возникновении Протектората Чехия и Моравия (Protektorat Böhmen und Mähren) в 1939 г. Их позиция была зачастую лучше, чем чехов, которые вдруг стали иностранцами в собственной стране или, по крайней мере, людьми второго сорта. Взгляды части этой эмиграции можно проследить на страницах их протекторатных изданий, журналов и газет. Кроме того, с 1939 – после демонстраций 28 октября – чешские вузы были закрыты, оставались только немецкие, включая и немецкий Карло-Фердинандов университет в Праге, так что восточнославянские эмигранты могли посещать этот университет и другие немецкие вузы на территории Протектората, не говоря, разумеется, о немецких вузах на всей территории Великой Германии или же Третьего Рейха (более развернуто об этом см. в моей статье [5; 9]; см. также в более широком контексте исследования немецкого слависта Гелмута Шаллера [10; 11; 12; 13; 14; 15]). Деликатность этой проблемы пока не вполне изучена и обычно либо ретушируется, либо замалчивается и игнорируется.

1. *Германн Т.* К созданию и интерпретации „Мудрости древних чехов” Р. Якобсона и полемика в чехословацкой эмиграции во время второй мировой войны / Томаш Германн, Милош Зеленка // Новая русистика. 2015. – № 1. – С. 5–11.
2. *Поспишил И.* Россия и Центральная Европа с особым учетом чешско-русских литературных связей / Иво Поспишил // Универсалии русской литературы. 2 : сборник статей / ред. А. А. Фаустов. – Воронеж : Наука-Юнипресс, 2010. – С. 606–628.
3. *Jakobson R.* Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou / Roman Jakobson ; eds. Tomáš Hermann, Miloš Zelenka. – Praha : Ústav pro soudobé dějiny AV ČR ; Pavel Mervart, 2015. – 384 s.
4. *Od Palackého k Benešovi. Německé texty o Češích, Němcích a českých zemích* / ed. Eva Hahnová. – Praha : Academia, 2014. – 723 s.
5. *Pospíšil I.* Běloruská literatura jako kulturní a umělecký typ / Ivo Pospíšil // O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch : zborník materiálov z vedeckej konferencie Slovensko-bieloruské vzťahy konanej 12. novembra 2004 na pôde FiF UMB v Banskej Bystrici / [editor Natália Kiseľová]. – Poniky : Partner, 2004. – S. 21–31.
6. *Pospíšil I.* Dílo překvapivě aktuální, zrcadlí dějiny, dobu i osobnost: idea národa, nebo demytizující realistické prázdno? (Jakobson R. Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou / Roman Jakobson ; eds. Tomáš Hermann, Miloš Zelenka. – Praha : Ústav pro soudobé dějiny AV ČR ; Pavel Mervart, 2015. – 384 s.) / Ivo Pospíšil //

- Kontexty literární vědy V ; eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. – Brno : Literárněvědná společnost při AV ČR, Tribun EU, 2015. – S. 143–148.
7. *Pospíšil I.* Rasanž und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit / Ivo Pospíšil // *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe* / ed. Ivo Pospíšil. – Brno : Masarykova univerzita, 2002. – S. 265–278.
  8. *Pospíšil I.* Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona) / Ivo Pospíšil // *Slovensko-české vzťahy a súvislosti : (zborník prác z medzinárodnej vedeckej konferencie)* / ved. red. Jozef Hvišč. – Bratislava : T.R.I.MÉDIUM, 2000. – S. 49–60.
  9. *Pospíšil I.* Беларуская лiтаратура як культурны i мастацкі тып / Ivo Pospíšil // *O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch : zborník materiálov z vedeckej konferencie Slovensko-bieloruské vzťahy konanej 12. novembra 2004 na pôde FiF UMB v Banskej Bystrici* / [editor Natália Kiseľová]. – Poniky : Partner, 2004. – S. 32–43.
  10. *Schaller H. W.* „Die Reichsuniversität Posen“ 1941–1945. Vorgeschichte, Nationalsozialistische Gründung, Widerstand und polnischer Neubeginn / Helmut Wilhelm Schaller. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2010. – 273 S.
  11. *Schaller H. W.* „Slavica (non) leguntur“: die deutsche Ost - und Südosteuropaforschung am Anfang oder am Ende – gezeigt am Beispiel von Marburg / Helmut Wilhelm Schaller. – Marburg : Selbstverl, 2010. – 66 S.
  12. *Schaller H. W.* Der Nationalsozialismus und die slawische Welt / Helmut Wilhelm Schaller. – Regensburg : Verlag Friedrich Pustet, 2002. – 320 S.
  13. *Schaller H. W.* Die Geschichte der Slavistik in Bayern / Helmut Wilhelm Schaller. – Neuried : Hieronymus Verlag, 1981. – 237 S.
  14. *Schaller H. W.* Geschichte der slawischen und baltischen Philologie an der Universität Königsberg / Helmut Wilhelm Schaller. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2009. – 193 S.
  15. *Schaller H. W.* Ukrainistik in Europa: historische Entwicklung und gegenwärtiger Stand / Helmut Wilhelm Schaller. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2013. – 261 S.

БРНЕНСКАЯ СУДЬБА РОМАНА ЯКОБСОНА В ПРИЗМЕ VOTA SEPARATA

Иво Поспишил

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Доктор, профессор

Заведующий Институтом славистики

Философский факультет, Университет имени Масарика

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Аннотация. На материале Архива Университета им. Масарика высвечивается значимый и весьма плодотворный с научной точки зрения фрагмент биографии Романа Якобсона, связанный с Брненским

университетом и написанием трактата „Мудрость древних чехов”. Анализируются три сохранившихся брненских негативных отзыва о трудах Р. Якобсона, принадлежавшие профессорам Франтишеку Худобе, Антонину Бееру и Франтишеку Новотному, свидетельствующие о влиянии политического фона на личностные отношения в научном мире, начиная с 30-х годов прошлого века. За упомянутыми отзывами последовали обсуждения ситуации в профессорском совете. „Дело Якобсона” обнажает всю сложность и противоречивость общей формы Центральной Европы, ядром которой была межвоенная Чехословакия: оно демонстрирует формирование филологических методологий и их оборотной стороны.

Ключевые слова: Роман Якобсон, Университет им. Масарика, г. Брно, *vota separata*, эмиграция, диаспора, формальный метод, Пражский лингвистический кружок.

BRNO'S FATE OF ROMAN JAKOBSON IN THE VOTA SEPARATE PRISM

Ivo Pospíšil

ivo.pospisil@phil.muni.cz

Professor, Philosophiae doctor, Doctor of Science

Head of the Institute of Slavonic Studies

Faculty of Arts of Masaryk University

Arna Nováka 1, 602 00, Brno, Czech Republic

Abstract. At the material of the Masaryk University Archives the author of the present study explicates from the scholarly point of view extremely significant and prolific fragment from Roman Jakobson's biography connected with Brno university and the creation of the treatise *Wisdom of Old Czechs*. Analyzing the three preserved negative evaluations (*vota separata*) to the works of Roman Jakobson, the authors of which were professors František Chudoba, Antonín Beer, and František Novotný manifesting the influence of the political background upon the personal contacts in the scholarly world since the 1930s. The reactions mentioned above were then followed by the evaluation of the situation in the professors' council. „The Jakobson Case” uncovers all the complexity and contradiction of the general form of Central Europe, the kernel of which was represented by interwar Czechoslovakia demonstrating the formation of philological methodologies and their reverse sides.

Key words: Roman Jakobson, Masaryk University, Brno, *vota separata*, emigration, diaspora, formalist method, Prague Linguistic Circle.

References

1. Hermann T., Zelenka M. K sozdaniju i interpretaciji “Mudrosti drevnich čechov” R. Jakobsona i polemika v čechoslovackoj èmigracii vo vremja Vtoroj mirovoj vojny [On the origin and interpretation of R. Jakobson's “Moudrost starých Čechů” and the Czechoslovak exile polemics during World War II]. *Nová rusistika*, 2015, no. 1, pp. 5–11. (in Russian).

2. Pospíšil I. Rossiia i Tsentral'naia Evropa s osobym uchetom cheshsko-russkikh literaturnykh svyazei [Russia and Central Europe in Special View of Czech-Russian Literary Relations]. In: *Universalii russkoi literatury*. 2. Voronezh, 2010, pp. 606–628. (in Russian).
3. Jakobson R. *Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou*. Praha, 2015, 384 p.
4. *Od Palackého k Benešovi. Německé texty o Čěších, Němcích a českých zemích*. Praha, 2014, 723 p.
5. Pospíšil I. Běloruská literatura jako kulturní a umělecký typ. In: *O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch*. Poniky, 2004, pp. 21–31.
6. Pospíšil I. Dílo překvapivě aktuální, zrcadlí dějiny, dobu i osobnost: idea národa, nebo demytizující realistické prázdno? (Jakobson R. Moudrost starých Čechů. Komentovaná edice s navazující exilovou polemikou. Praha, 2015, 384 p.). In: *Kontexty literární vědy V*. Brno, 2015, pp. 143–148.
7. Pospíšil I. Rasanz und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit. In: *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe*. Brno, 2002, pp. 265–278.
8. Pospíšil I. Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona). In: *Slovensko-české vzťahy a súvislosti : (zborník prác z medzinárodnej vedeckej konferencie)*. Bratislava, 2000, S. 49–60.
9. Pospíšil I. Belaruskaja litaratura iak kul'turny i mastatski typ [Belarusian Literature as a Cultural and Artistic Type]. In: *O spoločných hodnotách v slovensko-bieloruských vzťahoch*. Poniky, 2004, pp. 32–43. (in Belarusian).
10. Schaller H. W. “Die Reichsuniversität Posen” 1941–1945. *Vorgeschichte, Nationalsozialistische Gründung, Widerstand und polnischer Neubeginn*. Frankfurt am Main, 2010, 273 p.
11. Schaller H. W. “Slavica (non) leguntur”: die deutsche Ost - und Südosteuropaforschung am Anfang oder am Ende – gezeigt am Beispiel von Marburg. Marburg, 2010, 66 p.
12. Schaller H. W. *Der Nationalsozialismus und die slawische Welt*. Regensburg, 2002, 320 p.
13. Schaller H. W. *Die Geschichte der Slavistik in Bayern*. Neuried, 1981, 237 p.
14. Schaller H. W. *Geschichte der slawischen und baltischen Philologie an der Universität Königsberg*. Frankfurt am Main, 2009, 193 p.
15. Schaller H. W. *Ukrainistik in Europa : historische Entwicklung und gegenwärtiger Stand*. Frankfurt am Main, 2013, 261 p.

Suggested citation

Pospíšil I. Brnenskaia sud'ba Romana Iakobsona v prizme vota separata [Brno's fate of Roman Jakobson in the vota separate prism]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2016, no. 94, pp. 68–81. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 28.09.2016 р.